

Отец Джо был человеком неамбициозным и не строил иллюзий насчёт того, что когда-нибудь станет папой. Для него было вполне достаточно просто жить и наслаждаться жизнью. Он покачал головой и горько усмехнулся:

— Главное, чтобы вы не отвернулись от меня, если я так и не взойду на престол Святого Петра.

Авторская заметка:

PS: У отца Джо есть исторический прототип, но пока не буду раскрывать, кто это. Стоит отметить, что после падения папы, который был его зятем, он не покинул Ватикан, а просто оказался в тени, прожив некоторое время в неизвестности.

Теперь, когда личность отца Джо была раскрыта перед Рафаэлем, тому больше не приходилось выдумывать странные отговорки, чтобы скрываться.

Священник вернулся в замковую церковь, и все были рады. Верующие продолжали верить, поклонники отца Джо продолжали им восхищаться, а те, кем он сам восхищался...

Ученик рыцаря А:

— Командир... мне кажется, отец Джо смотрит на нас как-то... странно.

Командир рыцарей:

— Он к тебе приставал?

Ученик рыцаря А:

— Нет, но...

Командир рыцарей:

— Он тебе мешает?

Ученик рыцаря А:

— Нет, просто...

Командир рыцарей:

— Если ты не можешь тренироваться из-за того, что на тебя кто-то посмотрел, как ты собираешься воевать?

Ученик рыцаря А:

— Простите. Я слишком молод и не готов.

Командир рыцарей с каменным лицом удалился. Новобранцы, ещё не прошедшие подобную закалку, со временем тоже станут теми, кто будет невозмутимо встречать любые странности на поле боя. В этом герцог и его священник внесли неоценимый вклад.

Однако...

Командир рыцарей наедине высказал Августу свои опасения:

— Отец Джо в последнее время переходит все границы. Я слышал, он любит «беседовать» с учениками рыцарей с глазу на глаз.

— Понял, — кивнул Август.

Август не возражал против того, чтобы отец Джо наблюдал за тренировками. Ему даже было приятно иметь единомышленника — ведь смотреть на упражняющихся рыцарей было всё равно что в школьные годы глазеть на старшеклассников, играющих в баскетбол: в компании веселее. Да и сами рыцари, завидев проходящих мимо хорошеньких служанок, часто начинали орать боевые кличи, подстёгиваемые выбросом тестостерона, — дело житейское.

Но если отец Джо начнёт приставать к ученикам — это уже другое. Август не потерпел бы домогательств в своих владениях, а уж под прикрытием религии — и подавно.

Отец Джо чувствовал себя оклеветанным:

— Я ничего такого не делал! Мы просто обсуждали поэзию и музыку.

— А потом плавно перешли к жизненным идеалам? — выражение лица Августа стало крайне странным.

Отец Джо удивился:

— Зачем обсуждать жизненные идеалы?

Отец Джо был тем ещё поверхностным эстетом: он обожал поговорить о стихах да песнях, но терпеть не мог высоких материй. Хотя нет, одна цель у него всё же была — благополучно прозябать.

Много лет спустя, когда отец Джо вернулся в Ватикан, дабы принять бразды правления, он написал своему кузену письмо. Начиналось оно так: «Теперь-то я наконец могу наслаждаться жизнью».

Но это было в далёком будущем. Убедившись же, что отец Джо и впрямь не питает дурных намерений, а просто любит поболтать о музыке с рыжеволосым учеником по имени Джон, который, кстати, был не прочь, Август оставил всё как есть. На то она и взаимность.

— Я хочу, чтобы ты сосредоточился, — сказал он. — Взять хотя бы Джули с её вольными нравами: пока она любит, она любит одного. Бросит — найдёт следующего.

Если уж в Англии и разгорится какой ад кромешный, так пусть это будет из-за Джули, а не из-за тебя. Иначе я с ума сойду.

— Как скажешь, — неохотно, но твёрдо кивнул отец Джо.

Для него Август теперь был словно божество, дарующее вожделенную праздную жизнь и возможность глазеть на молодых красавцев. Куда эффективнее любых угроз.

После ухода священника Август обратился к Рафаэлю, прятавшемуся за книжными полками:

— Видишь? С отцом Джо всё в порядке. Он просто был слишком занят, поэтому случайно тебя не встречал.

Рафаэль ничего не ответил, лишь усмехнулся.

— Он и вправду хороший человек, — настаивал Август, пытаясь «продать» идею Рафаэлю.

Такой священник, с общими интересами и... ориентацией, попадался ему нечасто. И если уж выбирать из сонма лицемерных и догматичных попов, то личным духовником он бы предпочёл именно отца Джо.

— Вы друзья? — Рафаэль отхлебнул «исламского вина». Этот чёрный, похожий на микстуру напиток был невкусен, зато отлично бодрил. В своей борьбе с церковью Ричард II, против ожиданий, принял верное решение.

— Лучшие друзья! — торжественно кивнул Август, золотистая чёлка его качнулась.

Он нарочно расписывал, как важен для него отец Джо, боясь, как бы Рафаэль того не сплавил куда подальше. Тогда он, конечно, разозлился бы на самоуправство Рафаэля... но в итоге всё равно простил. Что поделать, если это Рафаэль? И всё же он изо всех сил старался избежать даже возможности такой ссоры — одна мысль о ней вызывала тяжесть в груди.

Рафаэль приподнял бровь:

— О? Настолько важный?

— Конечно! Хотя... нет, не важнее тебя, — интуиция Августа, работавшая через раз, вновь его выручила.

Язвительность Рафаэля растаяла.

Но тут же Август принялся нарываться снова:

— Ты мой лучший друг! Самый лучший! Навсегда!

Рафаэль, собиравшийся спросить, чувствует ли Август разницу в отношении к двум своим «друзьям», лишь опрокинул в себя остатки чёрного зелья. Горечь заполнила всё его существо.

А затем граф, забыв о субординации, вцепился в герцога и принялся его щекотать.

Если нельзя поцеловать, можно ведь и так.

Герцог, сплошь состоявший из щекотных мест, терпеть не мог, когда его тискали. Но, будучи безнадежно слабым, он мог лишь отчаянно вырываться, покраснев до кончиков ушей и тяжело дыша. Вырвался еле-еле.

Рафаэль, разумеется, отпустил его нарочно — дальше могло стать действительно опасно.

Но, увидев, как белка-герцог жмётся в углу и смотрит на него настороженным взглядом, Рафаэль не удержался и поддразнил его, нарочито понизив голос:

— Сам подойдёшь, или мне тебя... «попросить»?

Герцог фыркнул от возмущения, щёки его надулись, отдавая молочной мягкостью.

— Ты совсем несправедлив! — бурчал он, но послушно поплёлся обратно.

Увидев перед собой покорного, как картинка, герцога, граф понял, что ему срочно нужна холодная вода. Очень срочно.

Так и текли дни — в этой игре, где один мучился, не ведая, от чьей именно руки исходят его страдания.

В очередной раз Август усадил Рафаэля в саду — тот работал, а сам герцог делал вид, что учится, поглядывая на тренирующихся рыцарей.

К ним приблизился отец Джо. На шее у него золотой крест, в руках — Библия, вид самый что ни на есть благочестивый... если не считать глаз, которые при виде Рафаэля так и загорались. Раньше отец Джо боялся Рафаэля, потому что тот мог его разоблачить. Теперь же он, хоть и побаивался по-прежнему, это не мешало ему открыто любоваться красотой первого красавца Англии.

Мускулистые богатыри были его страстью, стройные прекрасные юноши — тоже, как и милые малыши. Словом, редко какой тип мужской красоты был ему не по вкусу. Уж больно он был всеобъемлющ, отец наш!

Рафаэль ответил ему лёгкой, ледяной улыбкой. Взгляд же его покрылся инеем, ясно говоря: «Не прекратишь глазеть — вырву».

Отец Джо содрогнулся и не посмел продолжать, хотя в душе возмущался. Маленький герцог глазеть умел не хуже, но Рафаэль и бровью не вёл! Неужели только из-за родства? Из-за этой жалкой капли общей крови? Что в ней такого особенного? И так далее...

<http://bllate.org/book/15929/1424086>